

ГЕНРИ ЛАЙОН
ОЛДИ

Милости просим в Лабиринт!
Искренне ваш, Минотавр

БЫК ИЗ МАШИНЫ

Генри Лайон Олди

БЫК ИЗ МАШИНЫ

В приморском городе Кекрополе идет дождь. Пьяницы сидят в барах, полиция ловит преступников, а байкеры пристают к девчонкам, приехавшим на заработки из разрушенной бомбежками Халпы. В городе Кекрополе бродит голодный Минотавр, и Тезей, профессиональный борец из клуба «Элевсин», ищет путь в этом лабиринте, иначе цепь убийств трижды обернется вокруг Кекрополя. Куда смотрят боги? Или мы называем их богами просто за неимением лучшего слова?!

История Тезея и Минотавра известна всем. В книге Г. Л. Олди она рассказана по-другому, вынуждая задуматься: так уж ли мы, дети цивилизации, вооруженные гаджетами и пистолетами, отличаемся от шлемоблещущих героев Древней Эллады? А может быть, Минотавр — великий уравниватель?

Содержание

ПРОЛОГ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1 Питфей

2 Тезей

3 Икар

4 Питфей

5 Тезей

6 Икар

ГЛАВА ВТОРАЯ

1 Тезей

2 Ариадна

3 Тезей

4 Икар

5 Питфей

6 Питфей (продолжение).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1 Тезей

2 Антиопа

3 Тезей

4 Икар

5 Тезей

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1 Икар

2 Тезей

3 Питфей

4 Тезей

5 Икар

6 Тезей

7 Тезей (продолжение).

ГЛАВА ПЯТАЯ

1 Питфей

2 Икар

[3 Тезей](#)

[4 Питфей](#)

[5 Синид](#)

[ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)

[1 Икар](#)

[2 Тезей](#)

[3 Икар](#)

[4 Тезей](#)

[5 Тезей \(продолжение\).](#)

[6 Минос](#)

[ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)

[1 Антиопа](#)

[2 Питфей](#)

[3 Тезей](#)

[4 Икар](#)

[5 Тезей](#)

[ГЛАВА ВОСЬМАЯ](#)

[1 Икар](#)

[2 Тезей](#)

[3 Эфра](#)

[4 Тезей](#)

[5 Питфей](#)

[ГЛАВА ДЕВЯТАЯ](#)

[1 Тезей](#)

[2 Тезей \(продолжение\).](#)

[3 Тезей \(завершение\).](#)

[4 Ипполита](#)

[5 Тезей](#)

[6 Питфей](#)

[ГЛАВА ДЕСЯТАЯ](#)

[1 Ариадна](#)

[2 Ариадна \(продолжение\).](#)

[3 Тезей](#)

[4 Тезей \(продолжение\).](#)

[5 Тезей \(финал\).](#)

[ЭПИЛОГ](#)

Минос
Икар

Как бык, секирой насмерть поражен,
Рвет свой аркан, но к бегу неспособен
И только скачет, болью оглушен,

Так Минотавр метался, дик и злобен;
И зоркий вождь мне крикнул: «Вниз беги!
Пока он в гневе, миг как раз удобен».

Мы под уклон направили шаги,
И часто камень угрожал обвалом
Под новой тяжестью моей ноги.

Данте Алигъери, «Божественная комедия»

ПРОЛОГ

— Не надо!

В ответ — смех. Нет, не смех — гогот.

— Помогите!

Уже не гогот — ржание. Счастливый конский храп.

Полифем смеялся громче всех. Это он умел. Ну откуда здесь помощь, кроме нашей? Трус в одиночку, о чем знали все, мозгляк и жила, в компании Полифем преображался, киксовал с полоборота, о чем тоже знали все. Первым лез на рожон, бил тоже первым. Казалось, братки — хочешь, не хочешь — скидываются Полифему на снос башни, и абзац, приехали, вставай на базу.

— Оставьте меня!

Ага, разогналась. Мы только завелись.

Дождь звонко цокал по асфальту тротуара, по булыжникам старого, мощеного тыщу лет назад Вакхова спуска. Каплями сбегал по граффити «ARGO чемпион!», исполненному в сине-серебристых тонах — цветах команды. На щербатом, грязном кирпиче стены надпись смотрелась мощным слоем инея, упавшего не в срок. Мяучила кошка под дверью *банки*, ржавой халупы из великого множества здешних гаражей — пустых, заброшенных, запертых навсегда. Окна панельной пятиэтажки, одиноко торчащей напротив стоянки, будто зуб в старческой пасти, светились желтым. Но нет, ни одна живая душа не торопилась высунуть нос в форточку, справиться, в чем дело, или наорать на шумную компанию. Тайком вызвать полицию? Дураков нет, «синяки» приедут и уедут, а байкеры останутся, и ты, козлина, останешься в своей зачуханной хате, ты дождешься, блин, если не съедешь наутро в другой район, понял?

Это Полифем изобрел *покатушки голяком*. Однажды выяснилось, что времена, мать их, изменились: трахнуть свежепойманную, вопящую, удерживаемую братками тёлку Полифему стало не в кайф, и добро бы просто не в кайф, а то ведь не стойт, не лезет, хоть плачь. Смотреть же, как тёлку трахают другие, держать и смотреть, наспех сочиняя дешевые отмазки, чтобы не выставить себя на позор — это было не просто не в кайф, а в такой некайф, что хоть криком кричи. Дело шло к обидному зашквару, прозвище «Дристамед», за которое бьют смертным боем, успело прозвучать — поначалу в шутку, но знаем мы эти шуточки! — и вот в очередной раз, когда тёлочку ободрали наголо, перекидывая мячиком от братка к братку, страдальца Полифема осенила гениальная идея. Рискую получить кулаком в ухо, он вырвал тёлку из татуированных ручищ Эпаминонда, прыгнул в седло «Химеры», кинул добычу перед собой, звонко шлепнул ладонью по телячьей заднице — и заорал, вихрем срываясь с места: «За мной!»

Уговаривать никого не пришлось. Братки дали газу, устремляясь за Полифемовой «Химерой» — кто чуял новую игру, кто хотел вернуть тёлку, а Эпаминонд, бычара-тупарь, ревел благим матом, расписывая, как станет бить придурка, на раз подломившего веселье. Тёлочка, жаркая и потная, билась на коленях у Полифема, вскидывая задом, визжала от ужаса, аж заходясь, когда пальцы ног на крутом вираже чиркали по мостовой. Полифем откликнулся трубным ревом, в котором без слов звучало: «Встаёт! Мать его дери, встаёт! Стойт!..» — и едва сто восемьдесят пять лошадок, бегущих в моторе Эпаминондова «Тифона», домчали «Тифон» куда надо и притерли к «Химере», Полифем внаглую швырнул тёлку Эпаминонду и велел, как будто имел на это право: «Гони!»

Эпаминонд не сразу сообразил, что происходит. Тёлочку он поймал, с его здоровьем и не поймать — забросил за спину, на манер честной шалавы, умолившей прокатить ее с ветерком, и голая тёлка, обезумев от страха, мертвой хваткой вцепилась в Эпаминонда, обвила руками, прижалась грудью и животом, как если бы дурела от любви.

«Го-го-го!» — заржал бычара.

На скорости он выронил, выплюнул, потерял второй слог от слова «гони».

Полифем пристроился в хвост. Братки поднажали, и шумная орда, время от времени перебрасываясь тёлкой, как баскетболисты — мячом, вылетела на проспект Кекропа, в темноте полосуюя мрак фарами, рванула к аэропорту, но не доехала, распугивая мирные тачки, свернула у мясокомбината в новострой, заплясала меж серыми, молчаливыми домами, превращая спальный микрорайон в бессонный, бранящийся, горланящий с балконов — дальше, дальше, к реке, вдоль набережной, в парк, к колесу обозрения, мимо стадиона, немых трибун, беговых дорожек... Они грели резину, катаясь от обочины к обочине, пьяные в слюни от внезапного восторга. Козлили на задних колесах, дрóнили ручки газа, рыча двигателями. Колбасили без цели и направления; давили крестá, откидываясь всем телом назад и широко разводя руки. Тёлка сорвала голос: хрипела, сипела, кашляла. Её обменивались, её усаживали, укладывали, лапали, шлепали, щипали. Похоже, в тёлке крылись неисчерпаемые запасы испуга, бьющего по мозгам круче наркоты: пей, браток, кури, нюхай, ширяйся на здоровье! За стадионом, на склонах, густо заросших дикой травой, где по утрам выгуливали собак, табун встал на прикол. Возбужденно гомоня, байкеры собрались было все-таки трахнуть тёлочку — не пропадать же добру? — но передумали.

«Гуляй, подруга! — разрешил Эпаминонд. — Заслужила!»

Никто не возразил. Грудой парного мяса тёлка сползла с седла, встала на четвереньки — вид ее сейчас нисколько не возбуждал братков — и сучкой, которую хозяин выгнал из дома, потащилась куда-то. Кажется, она плакала, а может, стонала. Полифем не вслушивался. У Полифема все было хорошо, лучше лучшего. Плевал он на всех тёлочек мира, плевал и сплёвывал. Теперь он знал, что делать, если не стоит.

«Покатушки!» — выкрикнул он.

«Го-го-го! — откликнулись братки. — Покатушки! Срыв с катушки!»

«Покатушки голяком!»

«Го-го-го! Го-голяком!»

Так и прижилось. А братки, когда назавтра табун собрался вместе, хвастались, как ловко и бесконечно имели своих девчонок, которые добровольцы, по согласию. Едва вспомнишь тёлку, дурняком летающую из седла в седло, и хоть бетон долби, честное слово! Голова у тебя, Полифем! Оригинально мыслишь, брат, с подходцем!

— Не надо!

Эпаминонд отпасовал тёлку Полифему, и тот принял пас в прыжке. Сегодняшнюю тёлочку отловили в плавучих доках, на эстакаде между пирсом и понтоном — дурища отбилась от подруг, возвращавшихся после смены. Вне сомнений, она была *метечкой*, малоазийской переселенкой, а может, беженкой из Халпы. Все они такие: ребра наружу, а корма мощная, устойчивая, что твоя баржа. И сиськи ничего, торчат. Метечек Полифем определял без документов, наощупь. Облапав тёлку по быстрячку, для визгу, Полифем стащил с неё косынку — последнее, что оставалось на метечке — и, прихватив тонкое, пульсирующее от крика горло согнутым локтем, повязал косынку себе на манер банданы.

Табун взревел от восторга. Этот фокус не удавался никому, даже ловкачу Хомаду, центральному табуна «Лизимахов». Все удерживали тёлку по-простецки, в обхват, левой рукой, и обламывались, пытаясь справиться с банданой одной правой. Полифем же нашел рабочий способ, позволяющий и тёлочку держать, и все десять пальцев для дела освободить. Тут главное было, вывязывая узел на затылке, не придушить хрипящую забаву насмерть, но это уже вопрос решаемый, если вслушиваться в хрип — и не пропустить момент, когда он переходит в сипение и бульканье.

Иногда Полифем полагал, что из него вышел бы славный дирижер оркестра. В байкерах веселее, но искусство требует жертв!

— Отпусти ее.

Сперва Полифем не въехал. Решил, что передержал тёлочку, время делать пас, а то братки заждались, хотят в седла. Он надавил покрепче, сверху вниз, чтобы тёлка упала на колени, открывая обзор — и завертел головой: кто тут бухтит? кто?!

— Отпусти, говорю.

Тут Полифем и увидел его. Крендель стоял на углу Козьего въезда, в тридцати шагах от табуна, привалясь плечом к столбу с мигающим фонарем. Крендель разговаривал с Полифемом так, словно, мать его дери, был Полифемовым отчимом, скорым на расправу, и держал в руках солдатский ремень. С тринадцати лет, с радостного дня, когда Полифем раскрыл отчиму башку кувшином для цветов, полным воды и увядших тюльпанов, байкер никому не позволял командовать собой. Ну хорошо, с глазу на глаз позволял, случалось, а в компании — ни-ни!

— Иди сюда, — бросил крендель тёлочке.

Полифем хмыкнул:

— Ага. Беги, подруга. Со всех ног.

И намотал телячьи волосы на кулак.

— Я велел: отпусти, — напомнил крендель. Голос его был скучен, как протокол в участке. — Оглох?

Полифем, может, и оглох, а табун уж точно окаменел. Не вмешиваясь, дрожа от предвкушения, все ждали, когда же Полифем разберется с наглым не по чину кренделем. Такие пижоны время от времени забредали на базы табуна: угощали пивом, набивались в братки, по пьяному делу вспоминали, что и они, крендельки, гоняли байки по трассам, да вот, жена, дети, начальники... Полифема бросило в жар. Чувствуя, как дождь закипает, едва коснувшись его воспаленной кожи, он изучал кренделя мутным от ярости взглядом. Красавчик, да. Жаль будет портить. Плащец такой моднявый, цвета мокрого песка: короткий, до середины бедра, с поясом. Шляпа из коричневого фетра: поля опущены, тулья примята. Вокруг тульи — «змеиная» лента с пряжкой. Модельные туфли-плетенки. На лицо из-под шляпы падает длинный, вьющийся на конце локон. Блондин, что ли? Фонарь перестал мигать, разгорелся как следует, и Полифем уверился: блондин. Отчим был блондином. Отчим был натуральным, а этот, мамой клянусь, крашенный.

Ненавижу, подумал Полифем.

Он толкнул тёлку ногой, и та шустро отползла к гаражу, где до сих пор мяучила кошка. Нырнула в щель между банками, сгинула. Поползи она к красавчику, и Полифем прибил бы сразу без колебаний.

— Ты попал, — разъяснил ситуацию Полифем. — Давай, я жду.

Красавчик сделал шаг, другой. Дождь усилился, порывом ветра с красавчика сорвало шляпу. Стригся крендель не по-людски: если не брать в расчет единственный локон, весь его лоб был выбрит до макушки. Волосы сзади отросли на манер тёлочкиных, волной падая на плечи. Ну, это если распустить, тогда

бы волной, а сейчас крендель собрал волосы в похабный хвост.

Полифем хохотнул:

— Девочка! Любишь байкеров, девочка?

Крендель наклонился к шляпе, но поднимать раздумал. Наверное, решил, что если после оскорбительной «девочки» покроет голову, это даст Полифему какое-то преимущество. Он прошел дальше, к мотоциклам, остановился у Полифемовой «Химеры», словно чуял, кому принадлежит этот байк. Положил руку на седло, с нажимом провел ногтями по туго натянутой коже. Скрип болью отдался в сердце Полифема, и боль переплавилась в бешенство.

— Не тронь байк, — посоветовал он кренделю. — Убью.

И ослабил:

— Покатушки голяком, а?

Кажется, Полифем изобрел новое развлечение.

Крендель словно и не слышал. Сучий потрох, он похозяйски сунул руку под седло, туда, где сидение крепилось к раме — лучше бы он сунулся Полифему между ног! — а второй, правой рукой взялся за переднюю вилку. Убью, молча повторил Полифем, уже зная, что убьет, без вариантов.

— Эй! — буркнул Эпаминонд. — Эй, ты чего?

В вопросе тупаря звучала непривычная робость.

Вместо ответа крендель присел и встал, но уже вместе с «Химерой». Байк он держал легко, без напряжения, как жених невесту, лишь самую малость приняв вес мотоцикла на грудь. Сухая масса, вспомнил Полифем, полтора центнера, снаряженная — в районе двух. Плащ безнадежно испачкался в масле и грязи, размытой струями дождя, но вряд ли это, судя по лицу, тревожило красавчика. Ярость вытекла из Полифема, и бешенство вытекло, и еще кое-что, кажется, вытекло, но Полифему было не до стыда, и уж точно не до

угрызений совести. Медленно, сантиметр за сантиметром, крендель поднимал «Химеру» все выше. Дыхание его оставалось ровным, как у спящего младенца, щеки — бледными, и когда локти кренделя, считай, выпрямились — полуприсед, толчок, и байк отправился в полет, решив, что родился аэропланом.

Летела «Химера» недолго.

Полифем едва успел отскочить назад. Грохнулся байк с дребезгом и лязгом, глушитель отлетел прочь, спугнув кошку, еще недавно — бесстрашную к насилию, гоготу и телячьим воплям; отломилась подножка, отворачивательно погнулось переднее крыло, а с ним за компанию и кронштейн крепления руля. «Химера», любимица «Химера», хищница и стерва, бесстыже валялась перед всем табуном грудой дохлятины, и Полифем внезапно засомневался, что кренделя удастся ободрать до нитки, втоптать в лужу пижонский плащик с туфельками и шляпой, а насчет швырять кренделя из седла в седло на полном ходу — и вовсе под вопросом, и вообще покатушки голяком — не такая клёвая идея, как казалось раньше.

— Я тебя знаю, — внезапно сказал Эпаминонд.

В хриплом рыке тупаря звучала радость, незамутненная детская радость. Казалось, он встретил родного брата, с которым Эпаминонда разлучили при рождении.

— Ты Тезей, борец. Ты борешься в «Элевсине», у Керкиона.

— Я Тезей, — кивнул крендель.

— Я ставил на тебя против Скирона. Против Перифета. Против Кромионца-Кабана, в прошлую субботу.

— Много выиграл?

— Мало. На тебя ставки низкие.

— Ставил бы на Кабана.

— Против тебя? Я что, дебил?

Крендель молчал.

— Нет, — настаивал Эпаминонд, — нет, ты скажи! Я похож на дебила?

Крендель неопределенно пожал плечами.

— Я твой фанат, парень.

Эпаминонд сиял. Эпаминонд лыбился. Эпаминонд потрясал кулаками:

— Ты чемпион, а я твой фанат. Деньги — пыль, говно. Сколько ни заработал, на выпивку хватит.

Байкер достал фляжку:

— Угостить тебя?

Они разговаривали так, словно Полифема тут не было. Да что Полифема — табуна не было, мать их дери!

— В другой раз.

— Клянешься?

— Выиграешь на мне пять раз подряд, тогда и поставишься.

— Заметано! Ты что пьешь?

— Всё.

Крендель огляделся. Убедившись, что тёлка сбежала, а значит, конфликт исчерпан, он поднял шляпу, отряхнул ее и нацепил на голову. Упрямая прядь волос опять выбилась наружу, упала вниз, разделила лицо на две косые неравные части. Уходил крендель, не оглядываясь: знал, что преследовать не будут, а может, чихать хотел на преследователей.

— Борец, — глупо повторил Полифем.

— Борец, — согласился центровой Хомад. — У Керкиона борется.

— В «Элевсине»...

— Скирона завалил.

— Скирона!

— Перифета завалил. Блин, Перифета-Дубинщика...

— Ага! — Эпаминонд осклабился, демонстрируя фатальную недостатку зубов. — Голыми руками. Я еще думал, не поставить ли против Тезея. Лучший бой

месяца! Перифет резиновой дубинкой дрался, а он его — раз!..

Эпаминонд показал, как крендель Перифета — раз. Получилось убедительно. Наверное, в исполнении кренделя это было еще убедительней. Оригинал всегда лучше копии. Вряд ли Перифет был тяжелей «Химеры» в снаряженном состоянии. Лязг, вспомнил Полифем. Дребезг. Глушитель отлетел. Крыло погнулось, рулевой кронштейн. Даже не хочется думать, что отвалилось у бедняги Дубинщика.

— Кромионца завалил...

— Ага! Кабан ему в ноги, а он сверху. И локтем, локтем...

— Локтем — это круто...

— Кабан лег, храпит. Слюни по полу...

С каждой секундой, с каждым словом, произнесенным вслух, Полифем чувствовал себя уверенней. Нет, не трус. Не чмо позорное. Не Дристамед, добра полные штаны. Мы если кому и уступим, так только чемпиону. Перифета завалил, Скирона, Кабана, вот уже и мы в хорошей компании. А «Химеру» починим, без проблем. Руки, слава богу, не из жопы растут. Связался бы с чемпионом, он бы нам руки точно туда запихал. И локтем, локтем!..

Фляжка Эпаминонда пошла по кругу. Яблочный самогон обжигал глотки, кулаком пробивал пищеводы, комком огня ворочался в луженых желудках. У Хомада в заначке нашлась вторая фляжка, с можжевелевой водкой. Полифем расщедрился на последнюю баклажку пива, которую собирался прикончить без чужих ртов, на ночь. Жизнь удалась. Еще минуту назад все складывалось хуже некуда, и глядите-ка — удалась!

— Скирон!

— Перифет!

— Кабан!

— Завалил...

— Говорит: выиграешь пять раз...

— Завалил...

Про «Химеру» не вспоминали. Байк лежал, где упал, но призрак мотоцикла, брошенного под ноги Полифему, ездил рядом, накручивал круги, рычал двигателем, придавая разговору таинственную подоплеку. Ни словом, ни намеком братки не затрагивали случившееся. Впору было поверить, что байк взлетел сам, и упал сам, и хватит об этом. Полифем видел, что братки втихомолку подмигивают ему, ему одному — не перемигиваются, а подмигивают! — кивают на «Химеру», со смыслом поджимают губы, и на лицах видна значительность события, такая офигенная, прут ей в рот, значительность, что отблеск славы ложится на Полифема, превращая неудачника в героя.

— ...тогда, мол, поставишься...

— ...резиновой дубинкой...

— Голыми руками!

— Керкион абы кого не выпускает.

— Ха! У Керкиона опыт...

— У него чуйка...

— Эй! Братва!

— Вернулась?!

У *банки* стояла давешняя тёлочка. В чем мать родила, она стояла без малейшего стеснения, даже не думая прикрыться. Взгляд тёлочки липким слизнем переползал с одного байкера на другого. Когда она уставилась на Полифема, тот содрогнулся. Люди так не смотрят, и кошки с собаками не смотрят. Башню, что ли, снесло? Ну ее в пень, не до покатушек сегодня.

После знакомства с кренделем, оказавшимся вовсе не кренделем, а борцом Тезеем, Полифем подозревал, что у него не встанет даже на секс-бомбу со справкой, прыгни та нагишом к нему в седло. Да и «Химера», блин, не на ходу...

— Вали отсюда!

Он ждал возражений, но табун, похоже, был согласен.

— Вали, пока мы добрые!

Тёлочка стояла. Смотрела. Облизывала губы.

— На, держи!

Полифем сорвал косынку, бросил в тёлку. Не добросил: косынка упала в лужу. Эпаминонд поднял с земли юбку: мокрая, грязная, юбка разошлась по шву. Смял в кулаке, швырнул хозяйке. Хомад запустил в дуру курточкой:

— Оденься! И вали, вали!..

Тёлочка кивнула: не байкерам, скорее каким-то своим мыслям. И, тряся сиськами, направилась к Эпаминонду. Шла она не торопясь, но до изумления быстро: вот еще у *банки*, а вот уже рядом с тупарем. Протянув руку, тёлочка погладила Эпаминонда по колючей щеке. Полифем увидел темные волосы у нее под мышкой; опустил взгляд ниже, отметил курчавый треугольник в паху, на который раньше не обратил внимания. Точно, малоазийка, из Халпы. Этих бриться силой не заставишь. Была у Полифема девчонка-халпийка, так он язык стер, уговаривая. Колется ей, видите ли, и раздражение...

Тёлочка гладила и гладила. Ногти ее слегка поскрипывали на жесткой щетине, покрывавшей щеки байкера. Не двигаясь, словно боясь спугнуть диводивное, Эпаминонд тайком подмигнул браткам: видали? Девки западали на Эпаминонда, все знали об этом. Но чтобы вернуться, когда только что вопила, как резаная? Полифем успел пожалеть, что Тезей отвалил до срока — вот была бы потеха! — но жалел он недолго, потому что тёлочка опустила руку ниже, скользнув кончиками пальцев по квадратному подбородку тупаря, затем непринужденно взялась, словно так и надо, и вырвала Эпаминонду кадык. Когда пальцы ее сомкнулись за

кадыком, стоявший рядом Полифем услышал слабый хруст, а во время рывка — влажный чмокающий треск.

Эпаминонд булькнул. Стало видно, что кадык его на месте, никуда не делся. Показалось, с облегчением вздохнул Полифем. Поверить в происходящее ему было труднее, чем знакомой халпийке побриться в интимных местах. Едва-едва поверишь, убедишь себя в реальности, а оно, значит, колется и раздражает, сил нет. Эпаминонд все булькал и булькал, на манер баклажки пива, которую разливают по кружкам, потом упал на колени и забулькал громче, тщетно пытаясь справиться с повреждением хрящей гортани и начинающимся травматическим отеком в области голосовых связок. Тёлочка тоже встала на колени, еще раз погладила байкера по щеке, мощным рывком свернула Эпаминонду шею, будто цыпленку, и оттуда, с колен, в прыжке боднула Полифема головой в живот.

Мир взорвался.

Осколки забили горло кляпом.

Целую вечность Полифем учился дышать заново. Это было мучительно. Это было хуже всего, что случилось с Полифемом в его короткой, насыщенной событиями жизни. Он корчился в луже, разбрызгивая грязную воду с радужными кляксами бензина. Из носа текло, изо рта текло, живот превратился в топливный бак, куда сунули горящую тряпку, и этот бак взрывался снова и снова, как если бы взрыв засняли для кино и поставили на повтор. На вдохе спазм перекрывал путь воздуху, выдох разбрызгивал сопли и слюни. Полифема рвало желчью, мозг слал панические сигналы рукам и ногам — руки хватали, ноги загребали, отчего лёгкие сморщивались, высыхали, превращались в плотный комочек. Какой-то другой, нездешний Полифем висел в воздухе, на метр от страдальца, и бессмысленно хихикал, понимая, что абзац, приехали, вставай на базу. Вокруг что-то происходило, что-то важное, быстрое, шумное и

неприятное, но свались на Кекрополь атомная бомба, и она не отвлекла бы Полифема от мук удушья.

В паху затвердело. Живительный воздух ворвался в лёгкие. Полифем зашелся диким кашлем, попытался встать на четыре кости, но его толкнули в грудь, веля лежать смирно, а главное, на спине. С отстраненным удивлением, как если бы он был зрителем, а не участником, Полифем обнаружил, что тёлочка внаглую стянула с него штаны — Эпаминонд сдох бы от зависти! или он и без зависти сдох? — и сейчас возбуждает его рукой, а Полифемов дружок, мать его дери, откликается на это безбожное насилие. Когда возбуждение достигло предела, тёлка перетянула предмет ее интереса, обвязала у самого корня тонким шнурком, на котором раньше висела счастливая монета, амулет центрального Хомада, взгромоздилась на Полифема, словно он был наикрутейшим байком, и рванула с места, погнала по колдобинам.

Не вырубись Полифем на третьем повороте, он бы знал, как это назвать. Покатушки голяком, да. Сам придумал.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

***«Я ждал, и кого-то убили» — «Кости хрясть! Хрясть!» — «Не дело,
а прелесть, яйца вкрутую» — «Это недорогая цена» — «У меня
украли полчаса» — «Он их всех унизил».***

1

Питфей

Он проснулся в полночь.

Старость не радость, подумал Питфей. Его трясло, хотя приступ уже миновал. Кратковременный, как и все приступы такого рода, ожидаемый, чтобы не сказать, долгожданный, предсказанный еще прошлой осенью — и тем не менее, даже воспоминание о нем сдавливало сердце холодной рукой. Пот на лбу уже высыхал: холодный, липкий след слизи. Пульс делался медленней, возвращаясь к норме; дышалось без боли — мнимой, не имеющей реальной причины, но оттого лишь более мучительной.

Думать о том, что испытывают люди, подобные Питфею, которых угораздило заснуть ближе к эпицентру бедствия, не хотелось. Думать вообще не хотелось, ни о чем.

Пережить смерть — фигура речи, не более. Само словосочетание «пережить смерть» — парадокс. Так и видится свежая могила, из холма торчит остро наточенная коса, а вокруг — скорбные лица друзей и родственников: «Прощай, Смерть! Нам повезло пережить тебя, но вряд ли это надолго...» Можно пережить клиническую смерть — слово «клиническая» превращает смерть во что-то рядовое, обыденное, с чем ты встретился, раскланялся, приподняв шляпу, и пошел дальше своей дорогой. Можно пережить смерть в художественном произведении: герой умер, на страницах или на экране, и ты утираешь слезы. И наконец можно пережить смерть, если ты аватар^[1] с повышенной чувствительностью, и где-то неподалеку умер другой аватар, чей бы он ни был...

Где? Чей?!

Питфей сел на кровати. Взбил подушку, подсунул себе под спину, устроился поудобнее. Борясь со слабостью, естественной для пожилого человека, с желанием отложить все до утра, когда солнце разгонит орду призраков, вернулся в пыточную камеру памяти. Корчась в постели, восстановил недавние ощущения. Подверг анализу каждый нерв, каждое волоконец кошмара. Силу, напор, интенсивность. Тяжело сглатывая, не закрывая глаза — иначе головокружение превращало кровать в карусель — соотнес результат с расстоянием до эпицентра. Да, Кекрополь. Вне сомнений, Кекрополь.

Как и предполагалось.

Аватар Неистового, Лучезарного, Госпожи, Убийцы — бог знает кого, и определение «бог» здесь звучало изысканной насмешкой — был убит. Если бы смерть наступила по естественным причинам, она аукнулась бы иначе, не столь болезненно. У Питфея, сибарита и мецената из захолустных Трезен, известного в определенных кругах как Паучок Питфей; у Питфея, регулярного аватара Слепой, богини правосудия, был большой опыт впечатлений такого рода.

Да, аватары. Люди, кого боги *цифрала* осчастливили своим мимолетным присутствием. Отели, где они останавливались во время визитов в царство материи; нет, не отели — скафандры, костюмы, биологические носители. Разовые, если посещение было первым и последним. Регулярные, если божество приходило еще и еще. Старость не радость, улыбнулся Питфей. За его старость девять старцев из десяти отдали бы всё, что имели. Десятый тоже отдал бы, не будь он жертвой полного, всеобъемлющего маразма, мешающего нормальной работе мозга. Мозг Питфея работал, как часы. Кровь весенними ручьями бежала по жилам. Сердце билось ровно и сильно. Спина гнулась, суставы

не знали артрита. Желудок без проблем справлялся со стейком любой прожарки, рискуя в худшем случае изжогой. Кишечник, в свою очередь... Ладно, хватит. Кого интересует твой кишечник, болван? Стул в норме, количество дефекаций один-два раза в сутки, без длительных сильных натуживаний; кал оформленный мягковатый. О состоянии здоровья аватар написаны тома медицинских исследований. В задницу стул! — как бы странно это ни звучало. Сейчас тебя должно интересовать только то, что ты смертен, как и любой аватар, и в Кекрополе убили одного из ваших.

— Папа?

— Да, Эфра.

— Ты не спишь?

— Сплю.

— Не ври мне. Почему ты не спишь?

Дочь стояла в дверях спальни. Днем она выглядела лучше, моложе, чем ночью, растрепанная, без макияжа, в халате, накинутом поверх теплой фланелевой сорочки. Почуяла неладное? Услыхала, как отец ворочается? Ага, услыхала, со второго этажа... Эфра не была аватарой, но годы жизни рядом с отцом в качестве ребенка, и почти сразу — экономки, референта, секретарши, доверенного лица, ходячего инкубатора, в конце концов — о, время отточило чувствительность Эфры до сверхъестественной. Хотя Питфей и был здоров, здоровье семидесятипятилетнего мужчины отличается от здоровья двадцатилетнего атлета. Грипп, например. Вирусу без разницы, аватар ты или нет. Там, где другие три дня валялись с высокой температурой, Питфей валялся день-полтора, но все равно валялся. Запястье, сломанное зимой, когда он поскользнулся в ванной комнате на мокрой плитке — кости срослись быстро, без последствий, подвижность восстановилась полностью, но гипс Питфей носил, как миленький. В

такие дни — грипп, гипс, бессонница — Эфра превращалась в тирана, душителя свобод.

— Почему ты не спишь? — повторила она. — Что-то с Тезеем?

Он сто раз говорил дочери, что не ясновидец. Что не связан с внуком больше, чем иной, самый обычный дед. Он сто раз говорил, а Эфра сто раз не верила.

— С мальчиком все в порядке.

— Не ври мне.

— Все в порядке. Его гидромолотом не перешибешь, нашего мальчика.

— Правда, — с удовлетворением произнесла Эфра. Еще с минуту она вглядывалась в лицо отца, затем поправила халат, сползший с плеча, и опустила на тумбочку, стоявшую возле кровати, стакан с водой. Стакан она принесла с собой. — Ты говоришь правду. Тогда что? Убили аватара? В Кекрополе? Я помню, ты говорил, что ждешь. Его убили?

Она всегда была сообразительной. Угадывала мысли отца, как никто. Когда материнская любовь не туманила ее рассудок, Эфра мгновенно связывала воедино причины и следствия.

— Да. Я ждал, и кого-то убили. Его или ее, не знаю.

— Тебе плохо? Вызвать врача?

— Я в порядке.

— Связаться с Тезеем?

— Утром.

— Ты уверен?

— Врач только зря приедет. А Тезей... Что я могу сообщить ему, кроме факта убийства? Место, спросит он. Имя? Время?

— Время. Тебе известно время.

— А толку? Мальчик станет нервничать, суетиться, наделает глупостей...

— Утром ты сможешь сообщить ему что-то, помимо факта?

— Нет.

— Тогда я тебя не понимаю.

— Утро лучше. Мой опыт подсказывает, что утром делают куда меньше глупостей, чем ночью. После восхода солнца дураки умнеют, а умные действуют осторожней.

— Что еще подсказывает тебе твой опыт?

— Что это убийство первое, но не последнее. Значит, время терпит. Прошлый цикл насчитывал пять смертей. Во всяком случае, я отследил именно пять.

— Выпей воды.

— Не хочу. Я попробую заснуть.

— Дать тебе снотворное?

— Не надо. Спокойной ночи, Эфра.

— Спокойной ночи, папа.

Последние две реплики прозвучали чистым издевательством.

Тезей

Ветер трепал лужи, как тузик — тряпку. Метались, плясали в воде отражения фонарей. Родившийся и возмужавший в лабиринте узких, заставленных мусорными баками переулков на восточной окраине Кекрополя, ветер был из местных, гнилой сявотской породы. Налетчик, воришка, жулик, он выныривал из подворотен, выскакивал из-за угла, отвешивал затрещину: сбить с толку, выхватить, что подвернется — и наутек, пока жертва не опомнилась, не бросилась в погоню.

Тезей надвинул шляпу на брови. Не помогло. Тогда он сунул руки в карманы и втянул затылок в плечи, но шага не замедлил. Ну-ну, издевательски присвистнул ветер. Не свисти, сказал ему Тезей. Денег не будет, понял? Это ветер понял и, разочарованно фыркая, унесся искать добычу посговорчивей. Блики в луже, которую он задел крылом, рябили ядовитым багрянцем. Выше и дальше, намекая, что поздним гостям следует поторопиться, рдела вывеска бара «У Силена»: неоновый контур, хитрая физиономия сатира.

Сатир щурился, надвинув на глаз косматую бровь.

Дверь, шлюха-притворщица, взвизгнула, жалуясь на насилие, когда Тезей толкнул ее. С костяным перестуком колыхнулась коралловая завеса: окаменевшие останки существ, населявших теплые моря планеты миллионы лет назад, без жалости нанизали на прочные флюорокарбоновые нити и подвесили к низкому потолку. Дробный шепот прозвучал еще раз, и завеса сомкнулась за Тезеевой спиной. Лестница, ступени ведут вниз, поворот налево;

второй ряд кораллов, близнец первого. Щуриться, уподобясь сатиру, не понадобилось: вряд ли тут было намного светлее, чем на улице. Сумрак бара, разместившегося в цокольном этаже дома, хаотично подсвечивал лишь тусклый неон да угольки сигарет. Сатир, рогатый хитрец, охранял последний оплот вольных курильщиков, не позволял океану запретов и ограничений, расплотившихся без числа, сомкнуться над пристанищем изгнанников.

Тезей не курил, но здесь ему нравилось.

Электролазурь. Мрачный кармин. Болотная зелень. Мазки противоестественного, мертворожденного света выхватывали из клубов табачного дыма фрагменты, детали, наброски без завершения. Чей-то резко очерченный, карикатурный профиль в обрамлении черных провалов теней; рука со стаканом, где вязко колыхалась адская смола; дряхлый музыкальный автомат, стеллаж с рядами пыльных бутылок...

— Как всегда?

Бармена приметил бы не всякий. Лысая макушка пигмея едва возвышалась над потертой, но чистой стойкой. В бело-голубой пыли, сыпавшейся из люминесцентной трубки, исцарапанный пластик выглядел хирургически стерильным. Бармен был копией сатира с вывески, только без рогов. Звали бармена Силеном, а было это имя или прозвище, Тезей не знал.

Не все ли равно?

— Спасибо, Силен.

Он взобрался на высокий табурет. Любимое место: сидишь, царь горы, у всех на виду, ни от кого не прячешься — и потому никто не обращает на тебя внимания. А еще — он это выяснил при первом же посещении бара — здесь находился акустический фокус помещения. При желании, если уметь отсекай посторонние шумы, можно услышать любой разговор.

Что-что, а отсекай Тезей умел.